

Паруса

Яреци Фернандез

Сегодня был один из редких дней, когда девушка осталась одна с дочкой, а Тору ушел на очередную встречу с священником, который будет проводить обряд бракосочетания. Благодаря связям дяди Рикардо, она нашла священника, смогла ускорить свое крещение и еще много-много сделать всего. И хоть в японском католицизме действуют несколько другие законы, чем в странах, относящихся к римско-католической церкви, она считала кощунством проводить этот обряд не будучи крещеной. Так что ей пришлось очень быстро, буквально за три дня пройти катехизацию и покреститься. Теперь она имела право играть свадьбу в каком-нибудь католическом храме. И Тору не был против. И он спокойно ходил разговаривать со священником.

В этот день была прекрасная погода, замечательная, теплая. Скоро должны приехать Джун с Дарсией и Маргаритой, а также папа с дядей Рикардо. Она была рада, что люди, которые имели к ее жизни какое-то отношение, будут с ней рядом в этот ответственный день. Она хотела, чтобы эта свадьба была самой прекрасной. Она и будет самой прекрасной. Потому что эта свадьба будет по любви...

Она гуляла по набережной и остановилась около очередной скамеечки. Поставила коляску со спящей дочкой рядом и села на скамейку. Достала тетрадь и карандаши. Посмотрела на море и стала рисовать. Каркас корабля получился хорошим, прорисованным, а вот с мачтой и парусами возникли сложности. Она не могла нарисовать их красиво, чтобы потом раскрасить красным карандашом. Они были словно не живые, скучные, и не очень красивые. Она вздохнула и прикрыла глаза. Стала напевать под нос песенку...

Сэтоши Мотидзуки

Последние несколько дней он только и делал, что куда-то ездил по поручению отца или других сотрудников, а то и вообще дяди Рюхей. Ему это нравилось даже больше, чем сидеть в офисе с отчетами, которые никуда не делись и которые каждый день его ждали по возвращению в офис или домой. И он честно старался что-то делать, просто у него не получалось.

В этот день он с раннего утра почувствовал головную боль и какую-то слабость в теле. Но он никогда не жаловался никому, поэтому поехал на работу, а оттуда снова начал ездить по поручениям. И старался не попадаться отцу на глаза, так как снова запутался в цифрах и что-то неправильно посчитал.

После очередного задания он решил немного прогуляться на набережной и не вернуться на работу вовремя. Этого он себе никогда раньше не позволял, но все когда-то бывает впервые. К тому же на улице было так хорошо, шум воды успокаивал, и он хотел отдохнуть и разобраться, почему у него так сильно болит голова.

Проходя мимо сидящей на лавочке девушки с коляской, он остановился. Это была

жена его дяди, Яреци. На ее коленях лежала тетрадь с очень красивым рисунком. Он слабо улыбнулся. Когда девушка открыла глаза, он склонил голову в знак уважения.

- Яреци-сан, здравствуйте. Вы... очень красиво рисуете, - вежливо произнес он.

Путеводная Нить

Последнюю пару недель Сэтоши стал ошибаться чаще обычного, вызывая у Шотаро недоумение и противоречивые желания поговорить с сыном, чтобы понять все ли у него нормально, и просто как следует на него наорать. Но пока он удерживал себя и от того, и от другого, наблюдая за попытками того с переменным успехом выполнять поручения.

Сегодня Сэтоши должен был съездить в один из магазинов, находившихся недалеко от набережной. И Шотаро, вспомнив, что не передал ему часть документов, отправился следом. По итогам, когда он добрался до магазина, выяснилось, что сын уже ушел куда-то в сторону набережной. Поэтому Шо, терзаемый нехорошими подозрениями, отправился следом, в надежде встретить сына и задать ему пару вопросов, которые уже давно вертелись у него на языке.

Какое-то время он никого не видел и уже было собирался развернуться и вернуться к магазину, где оставил машину, как заметил очень странную пару с ребенком, в которой узнал Сэтоши и чудную жену младшего брата, с которой он так и не встречался с момента их прибытия в Японию, поскольку был очень занят на работе. Немного подумав, Шотаро решил вклиниться и помешать их общению, поскольку ему хватило истории с младшим сыном, и он не хотел повторения чего-то подобного со старшим. Поэтому, больше не тратя время на бесполезные мысли, Шо быстрым шагом направился в их сторону, надеясь, что пагубное влияние Яреци еще не успело испортить его так до конца и не ставшего взрослым ребенка.

Яреци Фернандез

Яреци открыла глаза и посмотрела на старшего сына среднего брата Тору. Теперь ей нужно называть его племянником, но Сэтоши был её на восемь лет старше, и племянником она его называть не могла. Потому что это было как-то странно. Но она слабо улыбнулась, когда молодой человек сказал про рисунок, и налилась румянцем смущения.

- Спасибо, - просто ответила она, посмотрев на него. Что-то в нём показалось ей странным, но она решила не думать об этом. В надежде, что молодой человек уйдёт, она стала смотреть на рисунок и думать, как правильно нарисовать парус, чтобы он был объёмный, казался настоящим, и чтобы кто-то из знаменитых художников современности сказал "о да, это талант".

А потом её внимание привлекло появление человека, которого она действительно боялась. К ним направлялся Мотидзуки Шотаро, и она вздрогнула. Порыв ветра перевернул страницу тетради, и она вернула её на место. Но вот неудача - она порезалась. А бумага оставляет на коже достаточно глубокие следы. Она встрепелась и посмотрела на капли крови, скапливающиеся на пальце, а потом эта большая капля попала на парус, и он стал алым. Как в любимом рассказе

Александра Грина "Алые паруса".

Она вскочила на ноги и посмотрела на подошедшего к ним среднего брата Тору. Вежливо склонила голову.

- Они-сан, здравствуйте, - сказала она.

Сэтоши Мотидзуки

Молодой человек увидел направляющегося к ним отца и глубоко вздохнул. Он совершенно не хотел, чтобы свидетелем его разговора с отцом была юная тётя, но ничего не мог изменить. Не уходить же самому, делая вид, что не заметил отца? Или не прогонять её? Ведь она просто сидела на скамейке и рисовала, а он сам подошёл к ней. Он вздохнул, поняв, что она сейчас станет свидетелем его разговора с отцом, и стал ждать, когда тот подойдёт и обрушит гневную речь на них. Сэтоши догадывался, хоть и не затрагивал эту тему ни с матерью, ни с отцом, что отец винит жену своего брата в том, что Джун уехал в какой-то монастырь. И теперь у отца нет гордости - сына, а есть тупой исполнитель, который не может сложить два и два.

- То-сан, - поздоровался он кивком головы, глядя на отца, а потом случайно перекинул взгляд на девушку. На её рисунок. На её палец.

Кровь. Он сильно вздрогнул и почувствовал, как нарастает паника. Но он понимал, что не имеет права жаловаться или показывать свои чувства. Потому что крови боятся только девчонки. И от вида крови становится плохо только девчонкам. Никто не знает, что ему тоже становится плохо от вида крови. И никто не узнает. Только почему-то её слишком много. Он сглотнул и побледнел. И резко отвернулся от девушки и отца, который уже подошёл к ним. Воспоминания рвались наружу, и он не знал, что делать. Он не хотел рассказывать об этой слабости. Потому что это глупо. И это делает из сильного человека слабую девчонку...

Путеводная Нить

Несмотря на вежливые приветствия с двух сторон, на которые он ответил кивком, Шотаро явно чувствовал, что его появлению здесь не рады. Причем ни девушка, рисующая что-то, к счастью, не являющееся его портретом, ни его собственный сын, предпочитающий одиночество или общение с чужими людьми компании отца. Неудовольствием, судя по всему, не "сочилась" только его племянница, которую он толком не мог разглядеть, но которая, по словам Мизуки, была очень похожа на брата.

- И опять у тебя что-то не так, - покачал он головой, заметив порезанный палец, - за почти что год практически ничего не изменилось. - А затем перевел взгляд на сына и добавил, - ну а ты чего такой бледный?

Хоть Сэтоши и отвернулся, чтобы никто не мог увидеть его выражение лица, Шотаро успел разглядеть, что оно приобрело неестественный оттенок, и это заставило второго из сыновей Мотидзуки Рэна начать еще сильнее волноваться за непутевого ребенка, который, похоже, совершенно не умел о себе позаботиться, даже когда речь заходила о его собственном здоровье. И, что самое печальное, не слушал советов отца, пусть и пытался делать вид, что они имеют для него какое-то

значение.

Яреци Фернандез

Девушка вытащила из сумки упаковку влажных салфеток и одной перевязала свой палец. Завязать было проблематично, и она сначала подумала попросить кого-то, но потом откинула эту мысль и справилась сама. Потом вернулась к двум мужчинам. Один из которых выглядел недовольным и страшным, а другой отвернулся, наверное, собирался уходить.

- Извините. Я... просто решила прогуляться по набережной, но... я уже ухожу.

Когда-то давно Тору ей говорил, чтобы она думала перед тем, как что-то делать, особенно после того как после странного сна позвонила среднему брату Тору и предупредила его об опасности. Но сейчас она просто решила прогуляться. Погода была очень хорошая. Но, наверное, в этом городе нельзя просто так гулять, чтобы не столкнуться случайно с кем-то из семьи Мотидзуки. В Китае тоже нельзя гулять, там опасно. Она пока вообще не хочет возвращаться в Китай. И она не разрешит Тору уезжать туда. Там опасно. В Пекине есть триада, они вечно дерутся, а вдруг Тору поздним вечером, в темноте, случайно убьют?

Она мотнула головой и болезненно поморщилась. Наверное, это карма за то, что она влюбилась в Тору, потом влюбленность внезапно переросла в любовь, чистую и искреннюю. Она влезла в их семью, хотя ее не только не просили об этом, но и были против. И, самое печальное, она винила себя в том, что Тору не сразу узнал о смерти отца и с таким большим опозданием вернулся домой. Возможно, отпусти она его одного несколькими неделями раньше, ничего бы этого не было. Ни способностей у Джуна, ни ранения Тору.

Она убрала тетрадь в сумку и сняла коляску с тормоза. А потом увидела, как у молодого человека побледнело лицо. Хотела вмешаться, но вовремя себя одернула. Правда, пока уходить не спешила.

Сэтоши Мотидзуки

- В магазине упала прибыль. То ли место стало неудобным, то ли там нужно продавать что-то другое. Или расширить площадь.

Это был один из самых маленьких магазинчиков, с небольшой площадью, в котором не помещалась вся продукция. Почти все пространство занимал огромный шкаф-купе, да поместилось еще трюмо и несколько стульев. Сэтоши не особо разбирался в компановке, экспозиции и прочих прелестях, но при желании или просьбе мог попробовать что-то сделать или предложить. Только вот он был прежде всего помощником финансового директора, который должен считать, анализировать, складывать и умножать. Это у отца мозг был словно калькулятор, и за долгие годы тот научился считать в уме. А Сэтоши был не таким. Даже Джун считал лучше него, хоть, как и оказалось, ему это не особенно нравилось.

Тем временем девушка перебинтовала порезанный палец, но это помогло не сильно. Через салфетку стала просачиваться кровь, и он сглотнул. Почувствовал, как похолодели пальцы рук, а перед глазами поплыл мир. Он сильно стиснул

челюсти, потом прикусил губу, чтобы не упустить из сознания картинку этого мира. Когда стало немного легче, он прислонился пальцами руки к вискам и почувствовал капельки пота. В тело вернулась слабость, почему-то стало жарко.

Это произошло почти полгода назад. Он несколько ночей не спал, а потом решил сходить к психотерапевту. Он записался на прием, для этого отправился в интернет-кафе, чтобы никто не узнал его, подошел в назначенный час к двери и... ушел. И второй раз тоже. Потому что во многих фирмах стоит мебель их производства, и вдруг их знают в лицо. Маловероятно, конечно, но все-таки.

Иногда ему казалось, что это проклятие - быть членом этой семьи, носить эту фамилию. Ведь тебя все знают, и ты не можешь жить как нормальный человек. Ты не можешь чего-то бояться, ходить к психотерапевту. Не можешь ни с кем разговаривать... Сэтоши не хотел никого посвящать в свою личную жизнь, в свои страхи. Потому что боятся только девчонки...

- Я... нет, со мной все хорошо. Какое мне еще поручение выполнить? - как можно более твердым голосом ответил он и посмотрел на отца.

Путеводная Нить

Насколько Шотаро помнил, он не пытался прогнать странную девчонку, лишь прокомментировав ее способность находить всякие мелкие проблемы. Но, как он уже давно понял, Яреци мыслила не так, как обычные люди. И, по правде, Шо не горел желанием узнать, как именно.

- Да сиди уже. Не надо из-за меня убегать. — Для него была очевидной причина, по которой девушка собиралась покинуть лавочку, и ее страх перед его персоной казался Шотаро тем забавнее, что он боялся ее не меньше. Или, скорее, нее ее, а странных способностей, с которыми она постоянно лезла в чужую жизнь, пытаясь помочь, когда ее об этом совсем не просили.

Но помимо чудаковатой жены младшего брата здесь находился человек, чьи мысли и чувства волновали его намного больше и чей ответ на, казалось бы, простой вопрос, ему совершенно не понравился.

- Про прибыль я и так знаю, и это не причина бледнеть.

Было бы глупо предполагать, что финансовый директор, особенно такой дотошный, уже давно не обратил на это внимание и не составил несколько вариантов плана действий, которые собирался на днях показать Рюхею.

Тем временем, Сэтоши повернулся к нему и постарался убедить в том, что все в порядке, хотя выражение его лица и нездоровая бледность показывали совсем другое, что только разозлило Шотаро и заставило его начать говорить на повышенных тонах.

- Опять сказки мне рассказываешь? — И так знаешь, что все твои задания ждут в офисе. А если болен — так иди и лечись, а не пытайся изображать из себя великого борца с собственными недугами.

Наверное, в том, что дети предпочитали не обращать внимания на не слишком тяжелые недомогания, была и его вина. По причине болезни Шотаро пропускал работу лишь дважды за всю свою жизнь, считая, что его состояние здоровья неважно, когда речь идет о серьезных рабочих вопросах. Но он никогда не просил сыновей в этом брать с него пример, хотя и хотел, чтобы они смогли когда-нибудь в будущем его заменить на должности финансового директора, поскольку не мог жить вечно.

Яреци Фернандез

Девушка болезненно поморщилась и уже направилась было в сторону от этого человека. Она боялась его. Просто его вида. По телефону с ним говорить было страшно, но тогда она хотя бы знала, что он просто покричит на нее и отключит связь. Она не хотела видеть его, она не хотела видеть его сына. Она не хотела иметь ни с кем из них ничего общего. Но сейчас почему-то стало больно. И эти жуткие воспоминания вернулись к ней. Она боялась, что не справится с давлением.

Но мужчина быстро переключил внимание на своего сына, который был бледен и как-то странно смотрел на ее порезанный палец. Он испугался вида крови? Да не, это вряд ли. Только вот нездоровая бледность его кожных покровов говорила о том, что с ним что-то происходит. Она снова поставила коляску на тормоз и подошла к нему. Осторожно и нежно прислонилась пальцами к его лбу и покачала головой, ощутив на нем капли пота.

- Вы... вам плохо? - спросила она, а потом посмотрела на мужчину и отошла на шаг. Наверное, надо уйти. И действительно сидеть дома. Так будет проще. Так никому она не будет мешать и причинять зла. И так из-за нее не будут страдать те, кто ей дорог.

Сэтоши Мотидзуки

Он посмотрел на свою молодую тетю, которая хотела уйти, чтобы не видеть лишней раз отца, и ему ее даже стало в какой-то мере жаль. У отца был тяжелый характер, он подавлял желания сотрудников и членов семьи. Хотя про сотрудников вообще можно не говорить - у них, пока они на работе, нет никаких желаний или чувств. А вот члены семьи... Сэтоши знал, что Джун занимался стрельбой из лука, что ему это нравилось, и что он это бросил из-за того, что отцу это не нравилось. Но мало кто знал, что Сэтоши нравилось помогать бабушке в саду, разговаривать с цветами и ухаживать за ними. По крайней мере, он никогда сам не вызывался это делать. А бабушка тоже была очень мудрым и умным человеком и всегда звала именно его.

Прикосновение пальцев девушки заставило его дернуться и отступить от нее на шаг. А потом посмотреть на отца. На его недовольное и строгое лицо.

- Спасибо за заботу, но... я в порядке, - запоздало ответил он девушке. А потом ему словно сорвало крышу. Наверное, всему наступает предел, и чаша спокойствия и сдержанности уже была переполнена. - Да, я знаю, что меня ждет работа. Эти твои финансовые отчеты, которые ты сам можешь посчитать. Но тебе же совсем неважно, что хотят делать твои дети. Тебе всегда было наплевать на чувства и мысли людей, ты хочешь, чтобы все подчинялись только тебе и делали только то,

что ты хочешь. Допустим, да, у меня сейчас сильно болит голова и, кажется, температура. Но это имеет какое-то значение? Мне...

Он замолчал, сам сраженный этой гневной тирадой, которую произнес тихим злым шепотом. Такое поведение для него не было характерно, и он сам себя испугался. Он хотел опустить голову и сесть на скамейку. Он хотел уйти, вернуться к этим отчетам. Но он продолжил стоять. Только снова случайно бросил взгляд на кровавую салфетку и пошатнулся от головокружения.

Путеводная Нить

Перед его глазами разворачивалась совершенно нездоровая картина непонятных метаний, попыток уйти, очередного навязывание помощи о которой не просили и, как вишенка на торте – срыва сына, который никогда не позволял себе подобного, предпочитая просто игнорировать его слова или со всем соглашаться. И чем неожиданнее было произошедшее, тем страшнее казался этот шепот и значение сказанного, в которых Шотаро почувствовал чуть ли не ненависть, направленную на него самого.

Взгляд Сэтоши и его жестокие слова, заставившие лицо главного финансового гения семьи Мотидзуки покраснеть, очень напомнили то, как, в свое время, с отцом ругался Тору, требуя большей свободы, которой, как казалось его брату, у него и так имелось с избытком. И, не зная, что предпринять, чтобы не сделать только хуже, Шотаро просто замер на месте и начал сверлит сына глазами, словно пытаясь добраться до тех глубин, из которых вырывалось нечто совершенно ненормальное, создающее впечатление, что Сэтоши просто подменили.

Но бездействовать ему пришлось недолго, поскольку сына начало шатать, словно тот сейчас собирался завалиться прямо там, где стоял. И при таком раскладе он, конечно, не мог оставаться в стороне, хватая Сэтоши и подтаскивая его к лавочке, благо та находилась от них буквально в паре шагов.

- Ты можешь сказать, что с ним? – обернувшись, бросил он девчонке, которая, могла разбираться в подобных вещах. Шотаро помнил, как она умудрилась убрать с его лица последствия собственного нападения, поэтому надеялся, что и здесь от нее будет хоть какой-то толк, компенсирующий возможный вред. По крайней мере, ему казалось очень подозрительным неадекватное состояние и поведение его сыновей, проявляющееся после общения с этой странной и, несомненно, опасной особой.

Яреци Фернандез

Она совершенно не хотела быть свидетелем этих семейных разборок. Она хотела уйти, просто исчезнуть. Вернуться в номер отеля, лечь на кровать, обнять Кимико, и просто лежать с ней. Ни о чём не думать. Ничего не делать. И не разговаривать ни с кем. Потому что от одного её вида всем становится плохо. А ведь она всего-то хотела помочь. И да, она прекрасно помнила слова Тору, что не стоит помогать всем и всегда. Но почему-то всё равно действовала так, будто её не интересует ничьё мнение.

Сэтоши был очень бледен, а его отец, наоборот, покраснел. Она не особо уловила смысл сказанного, так как это было сказано не только на японском языке, которым

она владела немногим лучше, чем в прошлое свое посещение, но очень быстро, а также содержало личную информацию. Но потом Сэтоши пошатнулся, и отец усадил его на скамью. А потом она услышала его просьбу и странно посмотрела на него, но поняла, что это ей не показалось. Она достала из сумки бутылку детской воды и открутив соску, протянула мужчине, чтобы он подержал. А потом опустилась на корточки перед молодым человеком. Прислонила руку к его лбу. Он оказался горячим. Она расфокусировала взгляд, чтобы посмотреть на его ауру. Сначала ничего не получилось, и она посмотрела поверх плеч, как когда-то очень давно практиковалась смотреть ауру у наставницы. Спустя какое-то время она увидела яркие всполохи в районе головы и горла. В ауре преобладал цвет, похожий на фисташковый. Это вроде бы говорило об упадке сил. Она моргнула и посмотрела на парня, а потом перевела взгляд на его отца.

- У него жар. Всполохи красного цвета в районе головы и горла. И ещё в ауре наблюдается другой цвет. Это говорит об упадке сил. Я... - а вдруг у неё не получится? Надо собраться, и у неё все получится. Она вздохнула и сглотнула. - Попробую сейчас снять воспаление.

Мастер Бо рассказывала о чакрах на занятии. Это было так давно, что и не вспомнишь. Но нужно попытаться. Она прикрыла глаза и вспомнила тот урок. Противоречие между чакрами. Если зашкаливает Вишуддха, то человек чувствует озноб, и надо его греть Муладхарой. И наоборот. Значит, воспаление снимается голубым цветом. Она поднесла руку к голове молодого человека, ко лбу, и активировала горловую чакру, чтобы голубой энергией снять воспаление. Красные всполохи стали меньше. С горлом она сделала то же самое. Теперь в ауре не было красного цвета, и она мотнула головой. Как избавляться от ша-ци она не знала, но вроде бы тётушка Весна как-то давно говорила, что можно помыть руки. По крайней мере, в прошлый раз, когда она лечила последствие удара у мужчины на лице, это помогло. Но сейчас ушло больше сил.

- Я убрала воспаление. Он, наверное, простудился. А упадок сил... ему нужен сон. Крепкий и спокойный. И... - она посмотрела на мужчину, потом перекинула взгляд на молодого человека. - Как вы себя чувствуете? Вы... вы боитесь вида крови, верно? - А потом снова посмотрела на мужчину. - Мистер Мотидзуки, вы не могли бы полить мне воду на руки?

Сэтоши Мотидзуки

В какой-то момент ему стало совсем плохо, и он упустил из сознания, каким образом оказался на лавочке. Отец говорил испуганно, но сейчас он не особо придавал этому значения. Он смотрел на кровавую повязку на пальце девушки, и от этого сильно кружилась голова. А потом заболело горло, а также вернулась головная боль. Он зажмурился. Но вид крови проникал в его сознание даже с закрытыми глазами. Он не хотел это вспоминать, он боялся рассказывать об этом отцу. Он предпочитал молчать, надеясь, что это когда-нибудь забудется. Но это не забывалось. И сейчас становилось больно и страшно.

А потом почему-то горло перестало болеть. И голова не болела. Он прислонил руку ко лбу и не почувствовал жар. Наверное, его тётя применила на нём какие-то свои магические штучки. Наверное, это интересно понимать что-то в этом деле. Он

нейтрально относился к магии, считал, что если она есть, то хорошо, что если её нет, то хорошо. Наверное, где-то магия бы пригодилась.

Он сглотнул и не почувствовал боли в горле. Потом открыл глаза и посмотрел на слегка расплывающиеся лица девушки и отца, на котором читались едва различимые нотки испуга.

- Я... да... не знаю... по крайней мере, у меня не болит горло. Наверное, это из-за мороженого. Я вчера вечером после работы купил себе мороженое и съел его... - пробормотал он неуверенно. А потом посмотрел на девушку и слабо кивнул, вздрогнув. - Да, я... мне стало плохо от вида крови... Можно мне попить? - тихо произнес он, боясь, что придётся сейчас разговаривать на эту тему. Он не хотел. Ведь это слабость. Ведь там было много людей, и только он один чуть не грохнулся в обморок, увидев момент аварии. А ведь раньше он был нормальным человеком. И разбитые колени были, и ссадины. И у него, и у Джуна, и ведь он не падал в обморок от вида крови, стекающей по ноге. Почему так случилось?

Путеводная Нить

Когда он обратился к Яреци за помощью, то даже и не рассчитывал, что она не ограничится ответом на его вопрос, а начнет заниматься какими-то совершенно непонятными вещами. Ее объяснения по поводу всполохов красного цвета и упоминания ауры заставили глаза расшириться раза в два, но, стараясь сохранить лицо Шотаро не стал комментировать весь этот чудной "набор", который практически ничего не сказал ему по поводу состояния сына. А уж дальнейшие действия и сообщения о невидимых непосвященным успехах, чуть позже подтвержденных словами Сэтоши, еще больше подпортили и без того дурное настроение, в очередной раз напоминая о существовании сил, в которые он предпочел бы не верить.

- Ты боишься крови?! - предположение девчонки поразило настолько, что заставило среднего сына Мотидзуки Рэна пропустить ее просьбу о воде, которую надо полить на руки. - Да что с тобой не так в конце концов? Если бы не внешность, я бы подумал, что ты не мой сын.

Не успел Шотаро произнести последние слова, как тут же пожалел о сказанном. Каким бы Сэтоши не был, он его любил, пусть и не переставал надеяться на то, что гены Мотидзуки все же возьмут свое и сгладят весь "мусор" принесенный его первой женой. И, конечно, он сразу понял, что ему стоит извиниться, вот только с этим были серьезные проблемы. За свою жизнь Шо открыто извинялся только перед родителями, в других случаях отделяясь многозначительными фразами, которые можно было трактовать по разному. Поэтому сейчас он ненадолго замолчал, пытаясь подобрать правильные слова, которые почему-то отказывались приходить ему в голову.

Яреци Фернандез

Средний брат Тору не обратил на ее просьбу внимания, а может просто не услышал, а может вообще не захотел с ней связываться, решив заняться выяснением отношений с сыном. Девушка грустно вздохнула и покачала головой. Встала на ноги и, отняв бутылку из рук мужчины, протянула ее молодому человеку.

Потом посмотрела на свою дочку, которая сладко посапывала во сне, и, оставив коляску, направилась на берег моря, чтобы помыть руки в холодной морской воде. Она переживала за дочку, но надеялась, что Шотаро или Сэтоши посмотрят за ней. Хотя бы одним глазом. Хотя была уверена, что мужчине плевать на ее ребенка.

Она помыла руки и выпрямилась. Посмотрела вдаль, на линию горизонта, по которой плыл маленький парусник. Отсюда он казался маленькой точкой. Там были люди. Они бороздили просторы океана, они жили морем. Они не боялись того, чем занимались. Они, наверняка, имели семьи, детей. Почему же она должна бояться того, чем занимается? Почему она не может помогать людям? Может быть потому, что ее забота не может быть приятна? Может она всего лишь навязывает людям свои принципы?

Она глубоко вздохнула и прикрыла глаза. В горле образовался непонятный комок, глаза защипало от слез, но она сдержалась, чтобы не заплакать. Открыв глаза и снова посмотрев на поверхность моря, она не увидела тот кораблик. Развернулась и вернулась к людям.

- Берегите себя, - сказала она молодому человеку. Потом посмотрела на мужчину. - Простите, если я... я не имела права все это делать. Я должна была сразу уйти. Простите, что заставила вас нервничать, - тихо прошептала она, глотая слезы, и вернула ее к коляске. Сняла ее с тормоза и очень быстро ушла. Нужно вернуться в отель. Нельзя больше попадаться на глаза этому человеку. Но ведь она просто сидела, никому не мешала. Она просто дышала воздухом.

Наверное, это было очень глупо, что она хотела попытаться наладить отношения с родственниками Тору. Ее не все приняли в семью, наверное, надо просто смириться с этим и как можно скорее уехать. Она не имеет права считаться членом семьи Мотидзуки. Потому что она все портит. Так считает этот человек. Он винит ее в том, что Джун уехал с Китай. Да и она сама себя винила в этом. Особенно в том, что Джун оказался в плену. А ведь это произошло из-за нее. Из-за нее одной.

А воспоминания рвались наружу, и она боялась, что не сможет справиться с ними. Она почти ни с кем не разговаривала об этом. Наверное, она просто должна забыть это. Но это не забывается...

Сэтоши Мотидзуки

- Да, я боюсь крови, - почему-то уставшим голосом произнес молодой человек и посмотрел на девушку, которая выглядела уставшей. Взял из ее руки бутылочку с водой и сделал несколько глотков. Потом отставил бутылочку и помассировал виски пальцами правой руки. Постепенно способность трезво мыслить вернулась, и он хмыкнул и встал со скамейки. Вместе со способностью трезво мыслить вернулось осознание, что нужно работать, и до конца рабочего времени еще несколько часов. Нужно просто уйти. Извиниться и уйти. И просто стать мальчиком на побегушках, заниматься разной курьерской работой, а по вечерам, в свободное от работы время, сидеть с отчетами и разными бумажками.

- Прошу меня простить, то-сан, - сухо сказал он. - Вы правы, я должен вернуться к работе.

И он, кивнув в знак почтения отцу, направился в противоположную от Яреци сторону, чтобы вернуться в офис и работать. Говорить ни о чем не хотелось, и он был рад, что разговор о его фобии, которая чужда семье Мотидзуки, откладывался на неопределенный срок.

Путеводная Нить

Шотаро уже давно не чувствовал себя таким растерянным. Признание сына, как и тот факт, что он сам, живя с ним, ничего не знал о боязни крови, окончательно выбили его из колеи. Смотреть на Сэтоши было тяжело, поэтому Шо, перевел взгляд на свою маленькую племянницу, которая из-за своего пола наделала в семье уже немало шума. И как бы он не относился к ее родителям, Шотаро приходилось признать, что малышка выглядит очень мило, и что он сам не отказался бы, вслед за Рюхеем, стать дедом и немного повозиться с маленьким ребенком. Правда с его сыновьями о таком ближайšie годы можно было только мечтать.

Он так и не успел ничего сказать, как сначала, забрав дочку, ушла Яреци, а затем и его сын, который выглядел немного лучше, чем минут десять назад. Наверное, ему стоило догнать Сэтоши и поговорить с ним, но Шотаро не знал, что сказать, поэтому постояв какое-то время на месте, отправился к магазину, где оставил машину. Решение проблемы с сыном он собирался отложить на неопределенное время, хотя и понимал, что есть вещи, которые нельзя откладывать до бесконечности.
